Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

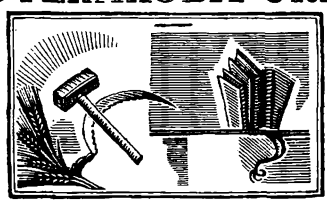
ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА СЕДЬМАЯ

ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926.

суры, которые, кажется, являются непременной принадлежностью каждой фильмы. Взгляды автора на кино-актера и его технику заслуживают всяческого внимания. По мнению Штиндта, «непрерывная работа и изучение — это секрет высокого мастерства». Ценно также его признание о коллективном создателе фильмы: «каждый—только часть общего; один — ничто без других».

Можно не согласиться с некоторыми частностями, но это нисколько не умаляет большого значения этой небольшой брошюры. Полезна она буквально для всех. Читается, благодаря хорошему языку, легко.

Перевод удовлетворителен, хотя и встречаются недосмотры («время всегда должно быть связано со временем», стр. 10). Опечатки. Издана чисто.

Дн. Жардинье.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

1. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР, № 1. *Р. Шор.*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН I. Изд. Государственной Академии Художественных Наук. М. 1926. Стр. 112. Тир. 1.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Новый журнал Государственной Академии Художественных Наук идет навстречу одной из существеннейших потребностей современного краеведения.

Действительно, быть может, ни в одной области материальной и духовной культуры крестьянских масс не сказалась так ярко ломка старого быта, как в области словесного творчества. Умирают многовековые художественные формы—исчезает былевой эпос и, исчезая, переживает своеобразную эволюцию (как это показала фольклорная экспедиция ГАХН 1926 года в «русскую Исландию» — Онежский край), исчезает торжественная обрядовость сватовства и свадьбы в связи с развитием свадьбы-«самокрутки» (фольклорная экспедиция О. Э. Озаровской 1925 г. в Пинежский край). И в то же время возникают новые формы — на смену самой по себе уже индивидуалистичной частушке широко расцветает индивидуальное (отчасти уже письменное) творчество крестьянских поэтов. Необходимо зафиксировать этот неповторимый своеобразнейший момент сдвига в художественном творчестве народных масс, и создание фольклористического журнала отвечает здесь назревшей необходимости.

И другое: богатство собранного и собираемого фольклорного материала ставит все настоятельнее перед исследователями - фольклористами методологические проблемы как в области записи, так и в области историко-литературной и теоретико-поэтической интерпретации художественной продукции народных масс, заставляет все яснее осознать необходимость здесь единого и строго-научного метода. Ибо, быть может, ни в одной области не работали так много дилетантски-кустарными методами, как в области фольклора.

Нельзя не отметить поэтому с удовлетворением, что новый журнал ГАХН уделяет особое внимание этим проблемам методологии и теории фольклористики. Особенный интерес представляет в этом отношении вводная статья Ю. М. Соколова, детально освещающая «очередные задачи изучения русского фольклора». В большинстве остальных статей предлагаются частичные проработки затронутых в вводной статье отдельных проблем: поэтики фольклора (Б. М. Соколов — «Экскурсы в область поэтики русского фольклора»), социологической (Н. К. Пиксанов—«Социально-политические судьбы песен о Степане Разине») и этнологической (В. Г. Богораз-Тан. «Миф об умирающем и воскресающем звере») его интерпретации, взаимоотношения книжной и устной поэзии (И. Н. Розанов—«Литературный источник популярной песни»), значения индивидуального творчества в фольклорной традиции (Н. П. Гринкова — «Сказки Куприянихи»).

Методологически правильно то, что — при существующих значительных разногласиях в методологии фольклористики — журнал уделяет место и таким статьям, которые существенно расходятся с положениями вводной статьи: так, в дискуссионном порядке помещены, напр., заметки А. И. Никифорова.

Библиографический отдел журнала, к сожалению, незначительный по объему, содержит очень ценное сообщение Н. П. Андреева о FF Communications — этом важнейшем органе фольклористов З. Европы, роль которого для СССР, можно надеяться, сумеют выполнить изящно изданные тетради «Х. Ф.», уже объединившего в общей работе фольклористов Москвы и Ленинграда.

Р. Шор.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ.

1. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ МОСКВЫ. *А. Греча.*
2. МУЗЕИ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ МОСКВЫ. *Н. Щербакова.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ МОСКВЫ. Под ред. Ю. С. Розенберга. Изд. «Молодой Ленинец». М. 1926. Стр. 319. Тир. 15.000 экз. Ц. 1 р.

Безнадежной мещанской пошлостью, тупым невежеством и беззастенчивой самоуверенностью веет от книжки, предназначенной для широкого массового распространения. Поистине удивительно, что в Москве, в культурном центре Республики, возможен выход таких изданий, под стать разве щедринскому городу Глупову. Было бы, конечно, слишком поверхностным рассматривать данный путеводитель, как новый образчик юмористической литературы, затмевающий «Крокодил» и «Смехач»; нельзя не признать, что выход этой книжки — печальное явление всепроникающей обывательщины. Такому издательству, как «Молодой Ленинец», стыдно выпускать книжки для употребления так наз. «дачников», бессовестно потакая мещанскому вкусу.

Не будем голословны. Приведем примеры, заимствовав их на любой странице путеводителя. Прежде всего, о невежестве. Что это за дворец в Тайнинском, где Екатерина II «скрывала от людских глаз результаты своей разгульной жизни» (стр. 13)? кому известно, что стены церквей расписывались миниатюрами (стр. 27), кто, хоть раз побывав в Троицкой Лавре, скажет, что там сохранилась «только часть северной стены» (стр. 28) или что в Очакове находится кутузовская изба (стр. 171), что Вифания возникла в 1883 году (стр. 32), что в Быкове Казаковская церковь построена арх. Симоном в XIX в. (стр. 64), или что в Чесменке стоит в развалинах дворец времен Екатерины (стр. 92). Далее следуют настоящие перлы невежества. Лейденская банка принята авторами за... орудие средневековых алхимиков, а в Захарове, как утверждают местные старожилы, Пушкин (которому тогда было 6 лет.—*А. Г.*) творил свою поэму «Евгений Онегин» (стр. 158).

Теперь о халтурности. Не подлежит сомнению, что авторы в описываемые места не заглянули, иначе не написали бы они, что итальянский домик в Кускове преобразован в картинную галлерею (стр. 128), или что театр в Архангельском занимает теперь электростанция (стр. 192). Спешим поделиться с авторами, пожалуй, несколько устарелым известием, что дворец в Коломенском «бросающийся в глаза при въезде» (стр. 207), действительно разрушен около 100 лет тому назад, о чем неожиданно сообщается в последующих строках, а дом в Ахтырке давно уже сгорел, и что в Золотом зале Никольского-Урюпина никаких картин (в том числе и сентиментальных) не имеется. Не лишне поблагодарить авторов за ценные сведения о том, что кирпич обжигается в доменных печах, что в Звенигородском музее имеются «сотни и тысячи замечательнейших икон», что убийца Пушкина, Дантес, был «царским наемником» (стр. 117) и т. д. На

ние его отрицательных сторон. У АХРР'а имеются, конечно, и положительные, но надо различать идеологию АХРР'а и АХРР как художественное общество. АХРР и ЛЕФ надо было на самом деле сопоставлять не как школы, а как принципы. Тогда, учитывая всю многогранность фактического осуществления этих принципов, можно было понять то ценное, что заключено в обоих. Тогда же можно было бы понять, что создание нового и революционного *изобразительного* искусства возможно и без непременного возрождения отживших и реакционных форм.

Федоров-Давыдов.

КНИГА В РОССИИ. Под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. Часть I. От начала письменности до 1800 года. 1924. Стр. 384. Тир. 3.000 экз. Ц. 6 р. Часть II. Девятнадцатый век. 1926. Стр. 524. Тир. 3.000 экз. Ц. 7 р. ГИЗ и секция Полигр. Искусств РАХН.

В истории современной русской науки о книге настоящая эпоха является исключительной. И можно вполне определенно сказать, что в переживаемое нами революционное время молодая наука книговедения впервые установила те вехи, по которым должно пойти дальнейшее и, несомненно, плодотворное изучение русской книги.

Вот почему можно приветствовать опубликование некоторых материалов секции, которые вошли в эти сборники. Последний термин мы взяли вполне обоснованно, так как первый и второй томы не являются цельной, монолитной историей книги в России в мыслимой нами научной обработке исторического материала, подчиненного *единому методу исследования и определенному плану*. Из всего представленного в сборниках конгломерата статей только половина отвечает своему назначению, где мы встречаем то ценное и цельное, на основе которого может утверждать свои каноны современная наука о книге.

Первопричиной слабых сторон этого издания является то, что некоторые из книговедов еще и до сих пор трактуют книговедение в плоскости историко-литературной или библиографической, в то время как учение о книге, в данное время, необходимо рассматривать в плоскости *книжной культуры, генетики и статики полиграфического оформления книги*.

Здесь немыслимы, как нам кажется, перепевы трудов Бахтиарова, Булгакова, Либровича. Наиболее ценным в современном книговедении является разрешение вопросов, поставленных в настоящее время хотя бы Ф. Бауэром и П. Реннером, исследующих книгу, *«как материальный предмет, как произведение творчества книгопечатника и книгомонтера»*. И в этом отношении «формальный метод» был бы здесь более применим, чем какой-либо другой. В своей редакционной статье «Книга как объект изучения» А. А. Сидоров и подчеркивает это, подтверждая слова Н. М. Лисовского, что книговедение есть дисциплина, интересующаяся вопросами *книжной формы со стороны ее происхождения и постепенного развития*.

Статьи Н. П. Кашина «Значение книги в древней Руси» и А. И. Некрасова «Книгопечатание в XVI и XVII вв.» достаточно оправдывают наше утверждение; у первого мы встречаем замечательный анализ графического оформления рукописных книг с точки зрения их внешней «полиграфической» и художественной стороны, у второго — исключительное по своему характеру исследование русского книгопечатания XVI—XVII вв. Последняя статья является особенно ценной в литературе по истории русской книги. На основе культурных факторов и ряда исторических эпизодов автор устанавливает связь русского книгопечатания с немецким и определяет новые даты возникновения книгопечатания в Москве (до Ивана Федорова!) — 1492 г. (Варфоломей Готан), 1547—48 (Шмитт), 1551—52 (Ганс Массингейм Бокбиндер), 1555 г. (печатание анонимных изд.). Попутно автор дает и характеристику типографий, книжных украшений и эволюции шрифта этой эпохи.

Статья В. Я. Адарюкова, посвященная книге гражданской печати XVIII в., занимает почти половину тома, носит на себе печать весьма кропотливого труда; автор оперирует огромным и весьма ценным материалом, но все это

он ограничивает только «описаниями» и к тому же местами довольно подробными. В статье отсутствует единство стиля, программы; нет и общей характеристики полиграфического оформления книги XVIII в. — этой исключительной для России эпохи книжного искусства.

Открытие, сделанное автором, что изобретение гражданского шрифта относится не к 1708, а к 1701 г. (на основании награвированной Шхонебеком надписи на карте),—спорно. Шрифт Шхонебеку был достаточно известен хотя бы из «тесинговских» изданий «Краткое собрание Льва Миротворца» (1701 г.) или «Притчи Эзоповы» (1700 г.), а гравирование шрифта на бумаге не есть еще изобретение его. Сомнение вызывает у нас и указание автора на то, что Петр, будучи 13 лет от роду, уже знал ценность переводов научных книг с иностранных языков на русский. Если есть, как указывает автор, документ в Эрмитажной библиотеке, «подтверждающий» это (по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... и т. д.), то в научном исследовании необходимо к этому подходит довольно критически. Официальный указ в данном случае не служит еще подтверждением «гения» тринадцатилетнего Петра.

Статья А. И. Кондратьева, посвященная издательской деятельности и биографии Новикова, не дает «полиграфическую» характеристику «новиковских» изданий и, после трудов Незеленова и Семенникова, вряд ли может претендовать на монографичность.

Второй том оказался в несколько более благополучном положении, чем первый.

Между статьей М. И. Фабриканта, вводящей в изучение русской книги XIX в., и нами уже указанной статьей А. А. Сидорова есть определенная связь, трактующая о правильном подходе к современному изучению книги, как к предмету материальной культуры связанному с общими художественными тенденциями и с степенью полиграфической техники определенной эпохи.

Возражать против того, что книга является отражением «единого художественного стиля», не приходится (примеры достаточно убедительны!), согласны мы и с тем, что в поле зрения книговедов попадали до сего времени книги только иллюстрированные, являвшиеся, по их мнению, «единственными выражениями высокого уровня книжного искусства».

Известна точка зрения в этом отношении А. А. Сидорова, который далеко не оправдывает эту тенденцию библиофилов, таким же образом вкралась она в его же статью «Искусство русской книги XIX—XX вв.». Если в начале своей статьи автор еще уделяет внимание полиграфическому оформлению книги, то, уже начиная с характеристик книги второй половины XIX в. до первого десятилетия XX в., он дает *не столько историю мастерства книги, сколько иллюстрации*. И здесь мы должны упрекнуть автора в том, что он не включил в свое исследование также и книгу наборную, не иллюстрированную (в первую очередь научную). А ведь последняя печаталась часто в лучших типографиях и исследование ее открыло бы нам интересные стороны «книгомонтажа». Весьма малое внимание уделено автором и «массовой книге», выходившей в изд. Сытина, Маркса и Ступина. Долгое (несмотря на успехи фотомеханических методов репродукции) пребывание в них тоновых гравюр ведь представляет собой факт особенно интересный в истории нашего книжного искусства. Нельзя сказать, что и композиция печатных страниц, отдельные инициалы и гравированные обложки уж были бы здесь так плохи. Много любопытного в отношении полиграфического оформления книги дала бы и детская книга, обидно обойденная молчанием.

При описании книги девятисотых годов автор не выявил интересную и, нужно сказать, исключительную работу наших графиков в создании шрифта и отдельных книжных украшений, достойных найти свое дальнейшее полиграфическое выражение в организации нового шрифта и акцидента.

Несмотря на указанное, статья в общем представляет большой интерес и включает в себе много любопытных по своей новизне и остроте мыслей.

Ценна и по-своему важна для полиграфов и книговедов статья Н. Ф. Гарелина, посвященная книге Румянцевской эпо-

хи, где автор описывает ряд типографских достижений и дает исчерпывающую характеристику книжного производства 1810—30 гг.

Хорошо написанная статья В. Я. Адарюкова, посвященная гравюре и литографии в книге XIX в., нам мыслится, недостаточно исчерпывает эту тему. Главный акцент здесь ставится на металлической гравюру, в то время как совершенно умалчивается о гравюре на дереве (которая действительно является книжной гравюрой), имевшая столь славные и исключительные этапы в истории книжного искусства XIX века. Вольным или невольным является это упущение, но во всяком случае, оно требовало бы своего объяснения в самом тексте или в особой редакционной ремарке.

Издана книга с большим вниманием и вкусом. Большое количество хорошо подобранных иллюстраций, четкий академический шрифт, плотная бумага и отличная верстка.

Лев Варшавский.

А. А. СИДОРОВ. Обри Бердслей. Юношеские рисунки. Издание Академии Художественных Наук. М. 1926. Стр. 78+ +25 рис. Тир. 2.000 экз. Ц. 3 р.

Бердслей был любим в России. Об этом свидетельствует несомненное влияние английского рисовальщика на многих наших графиков недавнего прошлого. Бердслею посвящались не только журнальные статьи, но и целый ряд (их было с полдюжины) отдельных изданий. Русская «Бердслейана» была достойным образом увенчана в 1917 г. великолепно изданной двухтомной монографией, написанной А. А. Сидоровым.

С тех пор прошло почти десять лет. «Первое представление о Бердслее — утонченного, даже извращенного эстетизма, декаданса, чистого искусства, замкнутого в слишком ограниченном кругу для своих избранных» — это представление отошло в прошлое. Этот Бердслей сейчас даже у своих былых поклонников вызывает чувство некоего досадливого раздражения, смешанного с неизбежным разочарованием. Зато мастерство Бердслея, рисовальщика и художника книги, остается неоспоренным. Но здесь необходимы какие-то новые оценки, определяющие значение художника вне его тематики и в известной исторической перспективе.

А. А. Сидоровым предпринят некий пересмотр «вопроса о Бердслее», новое обследование его творчества. Можно спорить о том, имеет ли эта попытка актуальное значение для разрешения вопросов о путях и задачах современной графики. Но несомненно: заново изучить Бердслея стоит. В лежащей перед нами книге рассматриваются лишь юношеские работы художника (примерно, до 1894 г.), еще не нашедшего своего стиля и пробивающегося сквозь дебри эклектизма. Автор монографии тщательно анализирует ряд отдельных рисунков, любовно и пытливо в них всматриваясь и кропотливо собирая нужные о них сведения. Эволюция Бердслея очерчена с большой тщательностью, но выводы о значении этой эволюции не сделаны. Полагаем, что это только потому, что лежащая перед нами книга — всего лишь фрагмент большого многотомного труда, подводящего итоги многолетним исследованиям.

Иллюстрационный материал подобран весьма интересно и разнообразно. Особенно ценны ранние рисунки Бердслея (иллюстрации к «Манон Леско» и «Мадам Бовари»), лишь недавно к двадцатипятилетию художника опубликованные в Англии. Жаль, что любопытнейший вопрос о значении этих замечательных детских рисунков великого мастера-рисовальщика недостаточно освещен в тексте, хотя сама проблема поставлена остро. Нарекания вызывает небрежное исполнение репродукции. В виньетке на обложке у морского чудища смазан глаз — такое указание может сойти за придирку раздражительного рецензента, но что делать, если большинство клише оказываются плохо прокорректированными, а отпечатки бледными. И уж никак нельзя не посетовать на воспроизведение «Зигфрида», где вода вышла сплошным черным пятном, а отражения в ней веток вырисовались с ненужной и неприятной четкостью. Хотелось бы, чтобы следующие выпуски этой многообещающей моно-